ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

№ 21. Генварь, 1822.

СТРАНСТВІЯ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ МОСКВЫ.

Судьба доставила мнѣ случай видѣть большую часть столицъ въ Европѣ и Америкѣ, и осмотрѣть ихъ окрестности. Каждая изъ нихъ имѣетъ свои собственныя красоты, свои неподражаемыя прелести. Одной необозримое море, другой широкая рѣка, третьей высокія горы, крутые утесы, древнія развалины и тому подобное — составляютъ отличительность, придаютъ величественность ея окрестностямъ.—Окрестности Москвы ничего такого не заключаютъ, ничего не имѣютъ чрезвычайнаго, поражающаго; но нѣтъ путешественника, который бы не сознался, что онъ нигдѣ

не видалъ Природы столь миловидной, какъ вокругъ Москвы, что Подмосковныя нашихъ богачей превосходятъ парки Лондонскіе, замки близъ Парижа находящіеся. . . . Какъ не согласиться въ ономъ Русскому, когда можетъ еще онъ присовокупить ко всему тому пріятности дружескихъ, родственныхъ воспоминаній, а часто и народной славы. . . . . .

Прошедшее лѣто было посвящено мною совершенно на обозрѣніе любопытныхъ заведеній и достопамятныхъ урочищъ, вокругъ Москвы разсѣянныхъ. По возвращеніи — я записывалъ, что видѣлъ, что чувствовалъ, и вотъ отчетъ мой — предъ Публикою. Для лучшей экономіи во времени, я начертилъ себѣ предварительно планъ, такъ что въ одинъ день могъ осматривать по два и болѣе мѣстъ. Планъ сей будетъ приложенъ къ одной изъ слѣдующихъ книжекъ—въ надеждѣ, что онъ можетъ быть съ пользою употребленъ многими подобными мнѣ

странниками — богатыми любопытствомъ, но скудными часами свободы.

Въ одно прекраснѣйшее утро, обѣщавшее ясный день, я заѣхалъ за умнымъ, любезнымъ И. М. С., любителемъ и знатокомъ отечественной древности, и мы пустились въ село *Измайлово*.

Напрасно въ Преображенскомъ искали мы слѣдовъ Царскаго дворца или чего-нибудь могущаго напомнить, что Петръ Великій получилъ тамъ первое образованіе свое, составилъ тамъ первую *потѣшную роту* — которая послужила началомъ тѣхъ необозримыхъ Россійскихъ воинствъ, коихъ образованію удивляется теперь вселенная и которой имя носитъ первый лейбгвардейскій полкъ. (*) Одинъ изъ старожиловъ показалъ намъ мѣсто, гдѣ стояли Царскія палаты. Это ровный, широкій дворъ за церковью. Противъ нихъ, на крутомъ берегу Яузы возвышалась *Судебная изба*, готической архитектуры. Она сломана уже въ недавнія времена.

(*) Лейбъ-гвардіи Преображенской.

Проѣзжая потомъ село *Черкасово*, мы вспомнили, что оно принадлежало Св. Алексѣю Митрополиту, и въ одной древней лѣтописи сказано: *Черкасово сельцо, куплено на мое серебрецо.* Съ тѣхъ поръ владѣетъ имъ Митрополія, отъ коей содержится здѣсь небольшая богадѣльня. Платонъ весьма любилъ сіе живописное мѣсто и развелъ собственными руками обширные сады и рощи.

Въ *Измайловѣ* прежде всего мы отыскали домъ сиарца *Брыкина*, бывшаго тамъ управителемъ, и взявъ съ собою одного изъ его родственниковъ, который самъ многое видѣлъ, а болѣе того еще помнилъ изъ разсказовъ сшолѣтняго дѣда своего — пустились на *развалины Измайлова*. Не смотря на плачевный видъ запустѣнія, на изсякшія воды, на разрушенныя плотины и мосты, на вырубленныя рощи и посохшіе сады, нельзя не согласиться, что выборъ мѣста былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ во-

кругъ Москвы, что Измайлово въ цвѣтущее время свое должно казаться истиннымъ раемъ земнымъ.

Измайлово отстоитъ въ шести верстахъ отъ столицы и есть родовая усадьба Романовыхъ, издревле богатыхъ Русскихъ Боляръ. Михаилъ Ѳеодоровичь, по восшествіи своемъ на престолъ, завелъ въ немъ большое собственное свое хозяйство. Для сего перевелъ онъ изъ разныхъ дворцовыхъ волостей крестьянъ, которыхъ поселилъ здѣсь въ 4-хъ слободахъ. Въ *Аламовкѣ* и *Колдомкѣ* переселенцовъ съ Волги, въ *Панской* — изъ Польши, а въ *Хохловкѣ* изъ Малороссіи.

Царь Алексѣй Михайловичь еще болѣе любилъ отчину своихъ предковъ. При немъ построенъ обширный замокъ съ двумя высокими готическими башнями, служившими въ него воротами. По срединѣ площади на ровномъ дворѣ — стояли тесовыя Царскія палаты, выстроенныя изъ толстыхъ дубовыхъ брусьевъ, привезенныхъ въ вой-

локахъ изъ заповѣдныхъ Муромскихъ лѣсовъ. Все сіе, кромѣ дворца, существуетъ донынѣ, и въ развалинахъ доказываетъ пышность Царскую, необыкновенную въ тогдашнее время. — Башня, видѣнная на картинкѣ отдѣльною отъ замка — служила въѣздомъ въ предѣлы онаго чрезъ каменный огромный мостъ, ибо зданія сіи, бывъ окружены со всѣхъ сторонъ прудами, казались построенными на острову. Прудовъ сихъ въ Измайловѣ считалось двѣнадцать; они приводили въ движеніе семь мельницъ, освѣжавшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ воду — вмѣсто каскадовъ и фонтановъ, тогда еще неизвѣстныхъ, и наполнены были всякаго рода рыбами: лещами, стерлядями, щуками, линями, карпами, карасями и проч. Еще не задолго до нашествія французовъ — когда спущенъ послѣдній остававшійся изъ нихъ прудъ *Серебровъ*, попадались въ немъ огромныя щуки съ золотыми сережками, кои продѣвали имъ для забавы Царевны и приближенныя имъ барышни.

При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ разведены здѣсь были разнаго рода фруктовые сады и овощные огороды, въ томъ числѣ шутовый и виноградный — конечно единственные тогда въ Россіи. Также насажена роща на 115 десятинахъ, для звѣринца, который наполненъ былъ многими дивными животными: оленями, лосями, буйволами, медвѣдями, лисицами и пр. Роща сія и понынѣ остается для сего предмета.

Строенія, касающіяся до хозяйства, соотвѣтствовали числомъ, огромностію и прочностію. Скажемъ единственно, что риги были каменныя, и швы между каменьями залиты свинцомъ: однихъ житницъ было болѣе десяти, и въ нихъ безпрерывно хранилось до 30 т. четвертей обмолоченнаго хлѣба (*), также стеклянной за-

(*) Во время неурожая, хлѣбъ сей раздавался крестьянамъ, и даже Бояра брали его на сѣмена, ибо онъ почитался лучшей доброты.

водъ, коимъ управлялъ Италіянецъ Насте, и большое пчеловодство. На водахъ и въ птичьемъ дворѣ плавали и расхаживали стаи всякаго рода птицъ, лебеди, павлины, дивныя куры, и пр. На конюшнѣ стояло множество Царскихъ жеребцовъ и иноходцевъ.

Иностранцы, видѣвшіе Измайлово при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, отдаютъ справедливость устройству многихъ хозяйственныхъ въ немъ заведеній (*). Достойный преемникъ его, Царь Ѳедоръ Алексѣевичь не только поддержалъ ихъ, но украсилъ еще Измалово построеніемъ двухъ каменныхъ церквей. Онѣ доселѣ сохраняютъ наружный видъ свой, и Соборная превращена въ приходскую, а придворная — въ два яруса и съ колоколь-

(*) Почтенный Алексѣй Федоровичъ Малиновскій упоминаетъ во 2-мъ No Московскаго Земледѣльческаго Журнала объ описаніи Измайлова Польскими Послами въ 1672 году.

нею — совершенно запустѣла. При немъ вѣроятно, а не при Петрѣ I, какъ говоритъ преданіе, перенесенъ и дворецъ за каменную ограду ближе къ сей послѣдней церкви. Можно видѣть бывшее между ними сообщеніе; но какъ мы ни старались, не могли открыть прохода на хоры, гдѣ стаивали Царевны. Должно полагать, что лѣстница проведена была въ самой стѣнѣ прямо изъ высокихъ теремовъ ихъ.

Вокругъ сей церкви по второму ярусу сдѣланъ широкій ходъ или терраса, выкладенная плитою. Мы обошли ее по дрожащимъ каменьямъ и сквозь чащу лѣса, на немъ выросшаго. Часто останавливались мы и указывали другъ другу на златыя поля, пучныя пажити, кои должны были предстоявляться повсюду Царю - хозяину изъ хоромъ его. Уголокъ Москвы выглядываетъ изъ - за черной рощи въ золотыхъ своихъ куполахъ — кажущихся раскаленными отъ лучей солнечныхъ, на нихъ тогда возникавшихъ.

Царь Іоаннъ Алексѣевичь пріѣзжалъ сюда почасту съ Царицею Прасковьею Ѳеодоровною и Царевною Софіею — забавляться рыбною ловлею. При Петрѣ Великомъ Измайлово прославилось обрѣтеніемъ имъ здѣсь *ботика*, возбудившаго въ юномъ Монархѣ страсть къ мореплаванію. Не рѣдко также онъ приважывалъ сюда изъ Преображенскаго для отдыха потѣшные полки свои и угощалъ ихъ послѣ воинскихъ трудовъ заморскими напитками и лакомыми яствами, коими запасены были съ избыткомъ прародительскіе погреба и амбары.

Съ сей поры село Измайлово стало приходить въ упадокъ, хотя при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, любившей его предпочтительно предъ всѣми другими подмосковными дворцами (*), оно приведено было нѣсколько въ прежнее цвѣтущее состояніе;

(*) Извѣстно, что Измайловскій полкъ, учрежденный ею въ 1730 году, получилъ отъ него свое наименованіе.

но это былъ, такъ сказать, послѣдній блескъ закатающаго солнца. — При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ уничтожены всѣ хозяйственныя заведенія, и пахатныя Царскія поля розданы крестьянамъ, съ наложеніемъ на нихъ за оныя нѣкоторой платы: — въ семъ положеніи Измайлово остается донынѣ.

Горенки.

По новой гладкой дорогѣ, проведенной попеченіемъ Московскаго Предводителя дворянства съ западной стороны звѣринца, мы выѣхали въ Измаиловскомъ на столбовой Сибирской трактъ, радуясь, что избавились тѣмъ отъ грязи и ухабинъ, поселившихся, такъ сказать, на всемъ пространствѣ старой дороги противъ сего лѣса.

Всякой разъ осматриваю я Горенской ботанической садъ съ новымъ удовольствіемъ, всякой разъ выхожу изъ онаго съ новымъ благоговѣніемъ

къ Творцу столь разнообразныхъ органическихъ существъ — здѣсь пестрѣющихся всѣми цвѣтами радуг, тамъ благоухающихъ пріятнѣйшими ароматами: однѣ едва примѣтно стелющіяся по землѣ, другія возвышающіяся до небесъ, тѣ прельщающія взоры и вкусъ сочными плодами, а эти служащія не только пищею, но и жилищемъ милліонамъ насѣкомыхъ.... Введенный въ таинства Природы бесѣдами достойнѣйшаго изъ жрецовъ ея—ученаго Г. Фишера (*), я оставляю всегда сей садъ вселенной съ новымъ уваженіемъ къ Вельможѣ, употребляющему свои избытки на столь почтенный, важный предметъ, возвышающій степень просвѣщенія нашего отечества. При каждомъ посѣщеніи моемъ Горенокъ, я вспоминаю удивленіе, которое неоднократно изъявляли мнѣ иностранцы, даже ученые, въ чужихъ краяхъ: какимъ образомъ Эдемъ сей могъ быть разведенъ на дорогѣ къ

(*) Директора сего заведенія.

пустынной, хладной Сибири, коей одно имя заставляетъ ихъ морщиться; не менѣе того имъ непостижима кажется возможность частнаго человѣка устроить и содержать подобное заведеніе для *своего собственнаго удовольствія*, между тѣмъ, какъ многіе Вѣнценосные Владѣтели въ Европѣ не въ состояніи предпринять сего для пользы наукъ въ ихъ Государствахъ? Скажу признательно — сіе невѣжество просвѣщеннѣйшихъ націй на счетъ Россіи, пріятно было для слуха Русскаго, доставляло часто поводъ къ изъясненіямъ и изъясненіямъ — усугублявшимъ ихъ удивленіе.....

Ботаническій садъ въ Горенкахъ получилъ первое основаніе тому лѣтъ 25 назадъ, подъ руководствомъ Профессора *Стефани*, разводившаго въ послѣдствіи садъ для Графа Орлова на Елагиномъ островѣ. Преемникомъ ему былъ Докторъ *Редовскій*, вызванный отсюда чрезъ нѣсколько лѣтъ Президентомъ Академіи Наукъ, для сопут-

ствованія отправлявшагося въ 1805 году въ Китай Россійскаго посольства, гдѣ онъ и кончилъ въ Ижигинскѣ полезную жизнь свою, отъ трудовъ и огорченій. Управленіе Горенскимъ ботаническимъ садомъ занялъ послѣ него его помощникъ, Докторъ Фишеръ, которой приглашенъ былъ Графомъ Разумовскимъ изъ Гальберштата въ 1804 году, по рекомендаціи извѣстнаго Профессора Шпренгеля: его-то неусыпнымъ попеченіемъ, его-то страстію къ Ботаникѣ—ибо безъ сей послѣдней ни въ какомъ предпріятіи нельзя достигнуть совершенства — садъ сей возведенъ былъ на чреду единственныхъ подобныхъ заведеній въ Кью и Парижѣ. Но въ 1812 году потерпѣлъ онъ великое опустошеніе отъ нашествія непріятеля, при чемъ многія деревья — нѣжныя и рѣдкія погибли невозвратно, какъ то: кофейныя, коричныя, гвоздичныя и пр., доведенныя до необыкновенной красоты и возмужалости, такъ что, не смотря

на всѣ усилія, Г. Фишеръ не можетъ доселѣ замѣнить своихъ потерь.

Теперь число растѣній простирается до 9000 родовъ, какъ оранжерейныхъ такъ и грунтовыхъ; но главное богатство Горенокъ составляетъ, (и придаетъ имъ отличительный характеръ), собраніе Сибирскихъ растѣній, каковаго не имѣется ни въ одномъ ботаническомъ саду въ Европѣ. Многое число растѣній разведено изъ драгоцѣннаго правника, составленнаго Г. Лангсдорфомъ и отъ сѣмянъ, привезенныхъ на Рюрикѣ. Также нѣкоторыя прекраснѣйшія растѣнія присланы Государынею Императрицею Маріею Ѳеодоровною изъ Павловска. Сверхъ того Графъ Разумовскій посылалъ многихъ ученыхъ людей на свой коштъ въ Сибирь и въ полуденные краи Россіи, для собранія растѣній. Такимъ образомъ Докторъ Таушеръ доставилъ въ 1809 году богатую добычу изъ окрестностей Индерскаго солянаго озера, находящагося въ степи Киргизской; а

путешествовавшій по Уралу Г. Гельмъ обогатилъ произведеніями того края. Докторъ Лондесъ, отличный воспитанникъ Гепшингенскаго Университета, былъ посланъ для сего же предмета въ Кавказъ, но, къ несчастію, умеръ на дорогѣ.

Большая часть растѣній расположена въ семи отдѣльныхъ корпусахъ, заключающихъ 16 оранжерей; изъ коихъ 11 разныхъ температуръ и 5 теплицъ. Здѣсь переходишь изъ Африки въ Азію, изъ подъ тропиковъ однимъ шагомъ очутишься у полюсовъ! Какое очарованіе, какое наслажденіе, переноситься столь правдоподобнымъ образомъ изъ одной крайности міра — въ другую; взирать на быстрыя измѣненія Природы въ органическихъ существахъ, сближенныхъ дерзновенною рукою смертнаго! благоухать на пути къ Сибири — всѣми ароматами Аравіи и Палестины! — Удовольствіе сіе должно быть еще пріятнѣе для бо-

шаника; я чувствую это по себѣ, встрѣчая здѣсь съ необыкновеннымъ восхищеніемъ знакомыя мнѣ произведенія Америки; смотря на магнолію, на тюльпанное дерево, какъ на старыхъ моихъ пріятелей, сверхъ настоящаго наслаждаюсь еще всспоминаніями..... Нельзя особенно не замѣтить также единственной въ своемъ родѣ оранжереи для исполинскихъ деревъ: она вышиною до 40 футовъ. Здѣсь гордо и безпрепятственно возносятъ они главы свои, и вы гуляете въ тѣни *краснаго дерева*, *Барбадскаго кедра*, прелестныхъ *музъ* и разновидныхъ *пальмъ*.

Въ числѣ самыхъ рѣдкихъ деревъ должно замѣтить *винтообразную Пальму — pandanos utiles*, *Драконову кровь — Dracocena draco*, *красный Ямайскій кедръ — Cedrela adorata*, *Бамбукъ — Bambuca arundinacea*, *Американское масличное дерево — Laurus pasca* и проч.

Остальныя растѣнія, могущія зи-

мовать на чистомъ воздухѣ, разсажены въ грунтѣ — по гармоническому сродству оныхъ.

На содержаніе ботаническаго сада употребляется ежедневно 15 человѣкъ работниковъ, сверхъ того въ случаѣ нужды призываются еще поденьщики. Дровъ идетъ на него ежегодно до 400 кубическихъ, или около 1200 однополѣнныхъ саженъ. Всѣ же издержки въ обыкновенный годъ простираются до 70,000 рублей.

Г. Фишеръ въ сношеніи со всѣми ботаническими садами въ Европѣ, такъ что пересылается съ ними обоюдно новѣйшими или утратившимися произведеніями, чѣмъ они взаимно поддерживаются и обогащаются.

Оранжерея для померанцевыхъ, апельсинныхъ и лимонныхъ деревъ замѣчательна не менѣе по огромности и красотѣ деревъ, коихъ числомъ до 500. Она расположена подъ верхнимъ этажемъ дома и въ флигеляхъ, дѣлающихъ полукружіе, обращенное на тер-

расу — что все вмѣстѣ составляетъ болѣе 135 саженей. Надобно быть здѣсь во всѣ времена года: видѣть деревья сіи покрытыми плодами и благоухать при цвѣтѣ ихъ, чтобъ представить роскошь лѣсовъ благорастворенной части Европы—Италіи, Португалліи, Сициліи.

Для поливки ихъ, вода проведена чрезъ подземныя трубы въ резервуаръ, наполняющійся помпами.

Наконецъ нѣсколько сотенъ саженъ подъ фруктовыми оранжереями, кои составляютъ особенную систему отъ ботаническаго сада. Ананасныя теплицы скоро будутъ всѣ паровыя.

Англійской садъ расположенъ на трехъ верстахъ въ длину и отъ 1½ до 2-хъ въ ширину. Онъ разбитъ мастерскою рукою, не смотря что находится въ нѣкоторомъ запустѣніи, по случаю отлучки помѣщика. Многія бесѣдки, храмы, мостики и т. п. украшаютъ его. Воды составлены изъ запруженной рѣчки. Если можно

найти Англійскіе сады въ окрестностяхъ Москвы лучше и обширнѣе онаго, то ни одинъ изъ нихъ не можетъ похвалишься подобнымъ разнообразіемъ деревъ: серебряные тополы, кедры, Американскія ели встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу.

Домъ Графской (А. К. Разумовскаго) въ три этажа, каменный, какъ и всѣ окружающія его службы. Онъ построенъ по плану архитектора Менеласа, и не безъ достоинствъ. Въ бель-этажѣ гостиная и кабинетъ заслуживаютъ особенной похвалы, по огромности ихъ и пропорціи всѣхъ частей. Въ послѣднемъ, т. е. въ кабинетѣ, устроенъ въ куполѣ компасъ, показывающій снаружи обращеніе вѣтровъ. Предъ домомъ терраса, украшенная мраморными вазами и статуями, изъ коихъ многія весьма хорошей работы.

Судя по пустотѣ дома, должно полагать, что стѣны его украшались прежде произведеніями художествъ и вмѣстѣ вывезены отсюда съ прево-

сходною библіотекою, которая справедливо почиталась одною изъ богатѣйшихъ въ Россіи, особенно же по части Естественной Исторіи, гдѣ находились самыя рѣдчайшія и драгоцѣннѣйшія творенія и къ коей принадлежатъ многіе травники, собранные извѣстными испытателями Природы, въ томъ числѣ часть гербарія славнаго Палласа. Къ дополненію всего имѣется здѣсь богатое собраніе *сѣмянъ*, которое также безпрестанно обогащается попеченіемъ владѣльца и ревностью директора, и заключаетъ многія сѣмяна, нигдѣ болѣе неизвѣстныя.

Замѣтимъ еще, что при ботаническомъ садѣ находится *разсадникъ* (pépinière), изъ коего можно получать многія рѣдкія деревья и кустарники за весьма умѣренную цѣну. Горенки отстоятъ отъ Москвы въ 16 верстахъ.

Кассино.

Отыскавъ въ одной изъ находящихся у меня рукописей, что Петръ Великій катался на Кассинскомъ озерѣ въ шлюбкѣ подъ парусами—найдя Яузу неудобною и тѣсною для того — я горѣлъ давно нетерпѣніемъ обозрѣть сіе достопамятное мѣсто, и своими глазами, такъ сказать, повѣрить замѣчательное преданіе самовидца-историка.

Дабы въ полнотѣ удовлетворить своему любопытству, я отправился въ Кассино въ Воскресенье поутру, когда Московскіе жители стекаются туда на богомолье, и самъ хозяинъ, Дмитрій Александровичь Лухмановъ, бываетъ тамъ.

Едва выѣхалъ я изъ заставы, называемой *Пороломного*, какъ и попалъ въ веревку идущаго и ѣдущаго въ ту сторону народа — верхомъ, въ каретахъ, коляскахъ, въ дрожкахъ и телѣгахъ. Рощи и лѣски казались ожи-

вотворенными, движущимися отъ пѣшеходцевъ, пробирающихся въ чащѣ въ разныхъ направленіяхъ, въ разныхъ костюмахъ и цвѣтахъ. Вотъ старушка со старичкомъ присѣли къ пеньку — собраться съ новыми силами; тамъ подъ тѣнью берёзки кормитъ молодая женщина своего младенца; здѣсь пьютъ изъ ручья усталые путешественники: картина, ни съ чѣмъ несравненная! Сверхъ того, со всѣхъ сторонъ по сей дорогѣ постепенно открываются прекрасные виды. Лишь только выѣдешь изъ заставы, то представляются глазамъ вашимъ на право монастыри: Андреевской, Покровской, Спаса Новаго, упраздненный Крутицкой, Симоновъ, а вдали блеститъ, какъ жаръ, золотая глава Донскаго монастыря; на лѣво древняя березовая роща, называемая дворцовою, потому, что она принадлежала къ Головинскому дворцу, занимаемому теперь казармами. Далѣе на право выказывается достопамятное село *Коломенское*, съ высокою башнею

прозванною *дурою*—Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, за то, что она вмѣщала въ себѣ непомѣрное количество хлѣба. Съ зади онаго возвышается угрюмой, мрачной дворецъ *Царицынской* — въ видѣ сахарныхъ головъ. Проѣхавъ еще далѣе, открывается позлащенный верхъ храма Николая Чудотворца, что на *Перервѣ;* а тамъ изъ-за густаго лѣса показался куполъ *Люблинскаго* дома, принадлежавшаго Николаю Алексѣевичу Дурасову, мѣсто всѣхъ увеселеній и вкуса—теперь унылое, оставленное съ смертію владѣльца, имѣвшаго особый даръ доставлять удовольствіе Московской публикѣ. — Владимірскую дорогу переѣзжаешь поперегъ у самаго почти трактира, извѣстнаго прощаніемъ Московскихъ купцовъ, отъѣзжающихъ въ Іюнѣ и Іюлѣ на Макарьевскую ярмонку. До сего урочища родные, друзья, пріятели и пріятельницы провожаютъ ихъ; здѣсь нерѣдко стаканъ пуншу и бутылка Шампанскаго служатъ зало-

гомъ вѣчной любви и искреннихъ пожеланій разстающихся; утѣшаютъ однихъ и приводятъ въ пріятное забвеніе другихъ, а часто утираютъ и самыя слезы жестокой разлуки... Весьма кстати построены здѣсь горы, наподобіе Крестовскихъ; онѣ служатъ какъ бы преддверіемъ къ дальнѣйшему путешествію, символомъ быстроты Русской ѣзды.

Отсюда начинается славная Перовская роща, черезъ которую проведена была нѣкогда широкая алея до самыхъ Горенокъ. Церковь съ Царскою короною на главѣ—доставляетъ пищу многимъ догадкамъ на щетъ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны.

Лишь только поднимется изъ рва, по коему пробирается чистый, прозрачный ручеекъ, какъ и откроется великолѣпное село *Кусково*, сквозь двѣ алеи, изъ коихъ одна ведетъ къ церкви, а другая къ замку. Желая поспѣть въ Кассино къ обѣдни, я от-

ложилъ осмотрѣть сіе знаменитое мѣсто до возвратнаго пути и продолжалъ ѣхать далѣе. Не болѣе какъ черезъ 10 минутъ увидѣлъ я необыкновенный ландшафтъ для окрестностей Москвы, увидѣлъ обширное озеро, имѣющее болѣе 3 верстъ въ окружности. Въ чистыхъ водахъ его смотрѣлся новый великолѣпный храмъ Божій; подлѣ него едва выказывалась другая ветхая деревянная церковь, окруженная столѣтними вязами и дубами. Я велѣлъ понудить лошадей моихъ, и пріѣхалъ къ окончанію благовѣста. Не только въ церкви, но и вокругъ ея стояло такое множество богомольцевъ, что не былово зможности пробраться во внутренность храма, и я долженъ былъ дожидаться болѣе часу послѣ окончанія молебновъ, чтобъ приложиться къ чудотворному образу Моденской Божіей Матери, прославившемуся многоразличными изцѣленіями недуговъ неизлечимыхъ и утѣшеніемъ въ неутѣшныхъ скорбяхъ и

потеряхъ прибѣгавшихъ къ нему страдальцевъ. Мнѣ разсказывали нѣсколько разительныхъ примѣровъ тому и другому, и я встрѣтилъ здѣсь многія семейства, давшія обѣтъ, ходить издалека ежегодно на поклоненіе помиловавшей ихъ святой иконѣ. Она древняго Греческаго письма, и, по словамъ преданія, принадлежала одному изъ любимыхъ полковъ Петра Великаго, и симъ Монархомъ въ послѣдствіи времени была поставлена въ сей храмъ. Это нѣкоторымъ образомъ изъясняется повѣствованіемъ самовидца плаванія Петра I-го на семъ озерѣ. Вѣроятно, что по сему обстоятельству и посвятилъ онъ сей образъ въ Кассинскую церковь, ибо уединенное мѣсто сіе еще въ недавнія времена было въ дикомъ состояніи, и неизвѣстно, чтобъ принадлежало кому-нибудь изъ знатныхъ или значущихъ его времени людей.

Отсюда большая часть богомольцевъ идетъ къ Святому озеру, отстоящe-

му съ полверсты отъ села. На немъ нынѣшній помѣщикъ, для спокойствія народнаго, соорудилъ двѣ пространныя купальни, одну для мужчинъ, а другую для женщинъ. Черезъ часъ, какъ перемежилось нѣсколько купанье, мы вошли въ первую и увидѣли на днѣ оной множество мѣдныхъ денегъ и нѣсколько рубашекъ, кинутыхъ купальщиками. Одинъ богомольный старичекъ приставленъ нарочно для подбиранія сихъ денегъ и вклады ихъ въ церковную кружку, что составляетъ немалой доходъ. Прежде, когда не было еще купалень, деньги сіи пропадали на днѣ озера, котораго доселѣ не могли достать глубины, а бѣлье уносилось волнами. Нѣтъ сомнѣнія, что вода здѣшняя заключаетъ много минеральныхъ частицъ, ибо она весьма легка какъ для питья, такъ и для умыванья.

Освѣженные прохладою купанья, утѣшенные молитвою — богомольцы группами располагаются послѣ сего подъ деревьями, пригорками, состав-

ляя изъ разноцвѣтныхъ платковъ своихъ и шалей колеблющіеся покровы или палатки; самовары закипаютъ, смѣхи и веселье водворяются . . . . . Такъ, я видѣлъ много великолѣпныхъ подмосковныхъ мызъ съ пышными дворцами и прелестными садами; но еслибъ мнѣ дано было на выборъ — то, признаюсь, я предпочелъ бы всѣмъ имъ — Кассино! — Шереметевъ, Рюминъ махнутъ золотою палочкою — и явятся волшебные замки, разцвѣтутъ Армидины вертограды; но кто въ состояніи изъ нихъ, какими пожертвованіями на свѣтѣ можно привлечь ежедневно гуляющихъ? Одно ожиданіе благодати Божіей можетъ отвлекать народъ отъ работы и занятій, и столь постоянно, въ такомъ количествѣ — созывать его сюда.

Дабы въ дождикъ и ненастье пріѣзжающіе въ Кассино имѣли пристанище, помѣщикъ выстроилъ гостинницу, по образцу Азіатскихъ караванъ-сараевъ, гдѣ путешественникъ найдетъ

сверхъ того и разнаго рода прохлажденія — за умѣренную цѣну, а кто пріѣдетъ съ своимъ запасомъ, тотъ выберетъ себѣ въ немъ особую комнатку.

Но прежде всѣхъ сихъ учрежденій, Г. Лухмановъ, какъ примѣрный христіанинъ, обратилъ все свое вниманіе на сооруженіе достойнаго храма Богу, подателю всѣхъ благъ, на него изліянныхъ. Храмъ сей приходитъ къ окончанію и сдѣлаетъ честь какъ усердію, такъ и вкусу соорудителя. Внутренность его составляетъ обширную ротонду, въ которую главной свѣтъ низходитъ съ верху, и расписывается изящнымъ образомъ молодымъ художникомъ Калмыковымъ, заслуживающимъ похвалы особенно при разсмотрѣніи какъ сочиненія, такъ и выполненія *праздника всѣхъ Святыхъ*, написаннаго имъ въ куполѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и всѣ прочія украшенія храма будутъ соотвѣтственны; тогда утвердительно можно сказать, что церковь сія

будетъ одною изъ великолѣпнѣйшихъ въ окрестностяхъ Москвы.

Положеніе господскаго дома прекрасно; жаль только, что густыя шпалеры, идущія отъ него къ озеру — отнимаютъ цѣну видовъ, представляющихся отсюда во всю обширность живописныхъ береговъ. Однимъ словомъ, доселѣ въ Кассино торжествуетъ одна Природа, а искусство ни сколько еще не помогало ей; но она такъ богата, что требуетъ весьма небольшихъ издержекъ и времени, чтобъ содѣлать изъ сего мѣста совершенной Рай. Построй по берегу озера небольшихъ домиковъ, проведи въ дикихъ рощахъ дорожки — и тысяча найдется охотниковъ поселиться на лѣтнее время въ Кассино — благословенномъ щедротами Природы и благодатію Божіею, охотниковъ наслаждаться ни съ чѣмъ несравненнымъ зрѣлищемъ — обширныхъ водъ, вездѣ служащихъ первымъ украшеніемъ сельскихъ ландшафтовъ; но под-

лѣ Москвы еще и необыкновенныхъ. Взгляните на это зеркало, отражающее въ себѣ небесной сводъ, домы, лѣса, поля, вкругъ его лежащія: это прекрасно! но если увидите, какъ въ глубинѣ его погасаетъ красное солнышко, какъ стелется оно золотыми лучами по гладкой его поверхности, то вы восхититесь — и захотите чаще быть онаго свидѣтелемъ. Прибавьте къ сему удовольствіе катанья въ шлюбкахъ подъ парусами, пріятность удить рыбу (*) и тому подобное, и я ручаюсь — что половина Москвы будетъ соперницею при наймѣ выстроенныхъ домиковъ.

(*Продолженіе впредь.*)

Опечатка: *Читай:*
Ст. 6, стро. 1 и 5 *Черкасово—Черкизово.*

(*) Прошедшимъ годомъ еще впущено было въ прудъ сей болѣе 2000 стерлядей.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

No 30. Сктябрь, 1822.

СТРАНСТВІЯ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ МОСКВЫ.

(*Продолженіе.*)

Кусково, Коломенское и Царицыно.

Съ толпою богомольцевъ, возвращавшихся изъ Кассино, въѣхалъ я въ Кусково.

Прежде всего пустился я осмотрѣть домъ, о великолѣпіи коего наслышался съ малолѣтства, великолѣпію коего, сказывали мнѣ, удивлялся Императоръ Іосифъ и гдѣ два раза Графъ Шереметьевъ достойно утощалъ Императрицу Екатерину II. Хотя и не нашелъ я въ немъ всего того, чего ожидалъ; но причиною того, вѣроятно, было сколько измѣненіе вкуса, теряющаго вездѣ отъ времени свое достоинство — кромѣ истинно изящнаго, совершен-

шаго, столько и потусклый видъ всѣхъ предметовъ: облетающая позолота, почернѣлые потолки, украшенные гербами и звѣздами, полинялыя гобелины и штофы — говорятъ, кажется, еще о бывшемъ великолѣпіи сего замка, о пышности его хозяина.

Многія картины, писанныя на особые случаи, многіе фамильные портреты, нѣкоторыя вещи подносимыя Графамъ Шереметьевымъ на разные случаи, въ томъ числѣ стихи, вышитые на атласѣ для дня имянинъ Графа Петра Борисовича, и тому подобное — возбуждаютъ богатыя воспоминанія. Вообще, Кусково можетъ быть причислено къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ невольно задумываешься — ходя, такъ сказать, по слѣдамъ еще неостылымъ. Можетъ быть, думалъ я, разсматривая портреты друзей знаменитыхъ Шереметьевыхъ, изображенія Государей и вельможъ XVII и XVIII вѣка, можетъ быть, они не-

однократно проводили время праздниковъ здѣсь, въ этой самой залѣ!.. Вотъ Шафировъ, Матвѣевъ, А. И. Румянцевъ, Черкаской, Меншиковъ, Долгорукіе, Трубецкіе, Апраксины, Толстые... Посмотрите на этотъ недоконченный портретъ Графа Петра Борисовича: онъ начатъ милою дочерью его — обрученною невѣстою знаменитаго Панина. При всѣхъ надеждахъ на счастіе жизни — она умерла пятнадцати лѣтъ! Горестный отецъ оставилъ портретъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ею написанъ. Здѣсь же замѣтите и самую, юную Графиню съ прелестнымъ, выразительнымъ лицемъ; портретъ писанъ съ мертвой — безъ чувствъ нельзя смотрѣть на него! А этотъ украшенный орденами, молодой, блестящій вельможа, съ такимъ умнымъ лицемъ — это Князь Иванъ Алексѣевичь Долгорукій!.. Зачѣмъ же нѣтъ здѣсь портрета героини добродѣтели, Натальи Борисовны? — Зачѣмъ

разлучили изображенія тѣхъ, которыхъ ни смерть, ни бѣдствія разлучить не могли? — Замѣтите супругу Бориса Петровича, уважаемую Петромъ I, и портретъ сего великаго Монарха, въ профиль, находящійся здѣсь (*) имѣетъ, по замѣчанію моему, лучшее сходство съ маскою, снятою съ лица Государя по смерти Его, и хранящеюся у меня въ собраніи Россійскихъ рѣдкостей. Тутъ же портретъ Екатерины I, писанный тѣмъ же живописцемъ. Мѣсто между ними занято картиною Полтавской побѣды. Лице Рагузинскаго владѣтельнаго Князя, особеннаго пріятеля Бориса Петровича, отличной значительности; тоже можно замѣтить и о портретѣ славнаго витіи Петрова вѣка и друга Шереметьева — Архіепископа Ѳеофана Прокоповича. Онъ писанъ съ него самаго, а потому долженъ быть схожѣе всѣхъ тѣхъ портретовъ, кои мы доселѣ видимъ и кои

(*) Писанный Донгауэромъ.

весьма много съ нимъ разнится не только въ выраженіи физіогноміи, но и въ самыхъ чертахъ. Весьма замѣчателенъ также портретъ самаго Бориса Петровича, представленнаго въ національномъ Русскомъ нарядѣ, когда былъ онъ еще оруженосцемъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Костюмъ его можетъ послужить вѣрнѣйшимъ образцомъ Боярскаго одѣянія того времени. Не съ меньшимъ любопытствомъ смотрѣлъ я и на портретъ Сергѣя Леонтьевича Бухвостова, перваго солдата въ бомбардирской ротѣ регулярнаго войска, учрежденнаго Петромъ Великимъ. Государь любилъ, уважалъ его и для преданія памяти о Бухвостовѣ потомству, приказалъ знаменитому ваятелю Графу Растрелли, вылить мѣдный бюстъ его.

Оригинальныхъ картинъ извѣстныхъ мастеровъ весьма мало; онѣ ограничиваются нѣсколькими портретами Фламандской школы и немноги-

ми произведеніями Сальватора Розы. Любопытный арсеналъ здѣшній, въ коемъ находилось сѣдло Карла XII, отбитое на Полтавской битвѣ и подаренное Борису Петровичу Петромъ Первымъ, какъ главнѣйшему изъ сподвижниковъ его въ сей достопамятный день, переведенъ нынѣ, говорятъ, въ Останкино и отчасти въ Петербургъ.

Изъ статуй замѣчательны: большой прекрасный бюстъ Карла XII и маленькой Вольтера, поставленный въ какой-то странной, хрустальной храминѣ.

Въ Кусковѣ находится семнадцать прудовъ; передъ домомъ лежитъ самый обширнѣйшій изъ нихъ. Онъ служитъ большимъ и полезнѣйшимъ украшеніемъ Кускова, ибо помощію его обсушено сіе низменное болотистое мѣсто; а самому ему служитъ украшеніемъ воспоминаніе, что главною цѣлію рытья онаго было — доставить пропитаніе нѣсколькимъ тысячамъ бѣдныхъ семействъ во вре-

мя голоду, случившагося въ 1770 году, подобно какъ строеніемъ колокольни Ивана Великаго Царь Борисъ Годуновъ предохранилъ отъ такого же несчастія и ропоту Московскихъ жителей. Излишняя земля, вынутая изъ пруда, употреблена была на обнесеніе сада высокимъ валомъ, который тогда же обсаженъ былъ деревьями, составляющими нынѣ необоримый натуральный оплотъ. По срединѣ пруда лежитъ тополевый островъ. Часть сада, или, лучше сказать, садовъ, разбита въ старинномъ Французскомъ вкусѣ, а другая въ Англійскомъ. Первые украшены мраморными статуями, мавзолеями, прильяжами, а другая бесѣдками, гротами, памятниками и пр. пр. Здѣсь показываются также двѣ колонны, подаренныя Графу Петру Борисовичу Императрицею Екатериною II. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ пожалована Государынею въ 1785 г. во время бытности Графа Губернскимъ Предводителемъ Московскаго Дворянства.

Оранжереи здѣшнія примѣчательны своею огромностію, а болѣе всего огромностію лавровыхъ деревьевъ, коимъ равныхъ рѣдко встрѣчаешь въ самой Италіи и Испаніи. Нѣкоторыя изъ нихъ до 15 аршинъ въ вышину! Лимонныя, помераицовыя и апельсинныя деревья не менѣе удивительны своею красотою и роспомъ. Тутъ же встрѣтите множество кустовъ Сибирскаго вересу.

При Графѣ Петрѣ Борисовичѣ, въ Кусково съѣзжалась каждое Воскресенье Московская публика, знакомые и незнакомые имѣли свободный входъ въ театръ, который по истинѣ почитался не хуже Царскаго; народъ веселился въ саду, всегда ярко освѣщенномъ и катался на гондолахъ и плюшкахъ, при звукѣ разныхъ музыкъ и не рѣдко забавляемъ былъ фейерверками и угощаемъ фруктами; и теперь еще на двухъ каменныхъ столбахъ, по Московской дорогѣ, видно приглашеніе хозяина — *веселиться какъ кому угодно въ домѣ и саду*

Поступокъ истинно Русскаго Боярина!

Долго и по смерти Графа, Московскіе жители, по привычкѣ, ѣздили сюда по Воскресеньямъ: теперь Кусково посѣщается одними любопытными, слышавшими о славѣ онаго, или чтителемъ отечественныхъ доблестей, желающимъ взглянуть на мѣсто, гдѣ отдыхалъ на лаврахъ Герой Шереметьевъ, когда отечество и Петръ Великій не имѣли враговъ. Память и слѣдъ такихъ людей, сказалъ извѣстный нашъ Литераторъ, украшаютъ мѣста лучше всѣхъ зданій великолѣпныхъ. Память Бориса Петровича останется навсегда лучшимъ украшеніемъ Кускова.—На концѣ лужайки, близъ дремучаго лѣса, видѣнъ доселѣ его любимый уединенный домикъ; онъ разрушается, какъ и вообще Кусково: подъемные мосты упали, рвы зарастаютъ травою, пруды тинѣютъ, статуи стоятъ будто осиротѣвшія, и все говоритъ страннику: *такъ проходитъ слава міра!*

Упадку Кускова немало содѣйствовало пребываніе здѣсь Французовъ въ 1812 году. Они не пощадили ничего: — все перебили, переломали, стрѣляли въ портреты, ободрали штофы и матеріи со стѣнъ и мебелей — не смотря на строгое запрещеніе Наполеона, пріѣзжавшаго въ Кусково вскорѣ по занятіи Москвы.

Село Коломенское.

Дорога въ Коломенское, чрезъ Серпуховскую заставу, весьма пріятна и богата роскошными сельскими картинами и разнообразными видами древней столицы. Мѣстоположеніе Коломенскаго также весьма счастливо избрано для загороднаго дворца; ибо оно расположено на берегу Москвы рѣки, превышающемъ всѣ другія окрестности на большое пространство. Вѣроятно, сія высота и близкое разстояніе — 7 верстъ, причиною, что оно постоянно въ продолженіи почти пяти столѣтій было лѣтнимъ

пребываніемъ Россійскихъ Монарховъ; а при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ славилось своимъ великолѣпіемъ, которому удивлялись и иностранцы (*).

Къ сожалѣнію, нигдѣ менѣе не осталось древнихъ памятниковъ, какъ въ Коломенскомъ; не только не находимъ мы тамъ слѣдовъ *любимова терема* Царя Іоанна Васильевича, но и знаменитые чертоги Алексѣя Михайловича исчезли совершенно, и отъ Екатерининa дворца остался только одинъ каменный фундаментъ! Вооружимся воображеніемъ, и съ симъ свѣтильникомъ непобѣдимаго любопытства— поспараемся, хотя по слабымъ признакамъ, добраться до ветхой древности, до событій, украшавшихъ исторію Коломенскаго.

Оно восбуждается съ первымъ шагомъ на Красный дворъ Царскій. —

(*) Полномочные Польскіе Послы Янъ Гнипскій и Кипріянъ Бросповскій, въ донесеніяхъ своихъ къ Королю Михаилу отъ 27 Февраля 1672 года съ великою похвалою отзываются о дворцѣ и другихъ зданіяхъ села Коломенскаго.

Вступая на него чрезъ *дубовыя ворота*, украшенныя рѣзьбою, казалось, видѣлъ я въ нихъ тѣ самыя, кои воздвигнуты были при Царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ, по крайней мѣрѣ это есть обращикъ зодчества нашихъ предковъ, который хотя не подаетъ высокой мысли объ ихъ знаніи въ искусной архитектурѣ, но напоминаетъ милую старину нашу, измѣняющуюся повсюду скорыми шагами. Еще лѣтъ двадцать тому назадъ, можно было встрѣтить внутри Россіи во многихъ помѣщичьихъ усадьбахъ подобныя ворота, ведущія на барскій дворъ: онѣ всѣ почти уже исчезли и замѣнились безобразными колоннами.

Отъ воротъ сихъ шла прямая дорога ко дворцу Царскому: кусточки сирени означаютъ теперь мѣсто великолѣпныхъ палатъ Царя Алексѣя Михайловича. Замѣчательно, что рисовальное изображеніе онаго дворца и самое правильное, самое отчетистое, находится въ Британскомъ Му-

зеумѣ. Признаюсь, что я не рѣдко приводимъ былъ въ краску, когда Англичане, почитающіе за стыдъ не знать достопамятностей своего отечества, распрашивали меня съ довѣренностію о чудныхъ минаретахъ, о башнѣ съ шестью шеремами и прочихъ отличительностяхъ сего дворца; признаюсь, что я долженъ былъ часто безмолвствовать, или наугадъ показывать имъ высокую *свѣтлицу*, гдѣ воспитывалась хитрая и прелестная Царевна, Софья Алексѣевна, тотъ *теремъ*, гдѣ родилась Императрица Елисавета Петровна, назначать тѣ *золоченыя окошки*, кои были въ комнатахъ прекрасной, умной Царицы Натальи Кириловны;.. но когда вниманіе ихъ обращалось на каменной невысокой столбъ, представленный на рисункѣ предъ широкими окнами *опочивальни* Царской, то я могъ говорить свободнѣе, могъ съ гордостію Рускаго ораторствовать о почтенномъ назначеніи

онаго, и мнѣ не рѣдко удавалось заставлять гордыхъ Британцовъ удивляться доблестямъ добраго Царя Рускаго, который съ первымъ лучемъ свѣтила небеснаго — начиналъ день свой милостію и правосудіемъ. — У столба сего дожидались вставанья Царскаго утѣсненные или недовольные рѣшеніями Приказовъ, и увидя Государя у окошка, низко кланялись ему и оставляли на столбѣ свои челобитныя, кои тотчасъ же просматривалъ мудрый Царь Алексѣй Михайловичь! Увы! неумолимое время непощадило и сего памятника царственныхъ доблестей: я долго ломалъ голову, чтобъ хотя по соображеніямъ отличить самое мѣсто его. — Замѣтьте небольшой пригорокъ, въ 38 шагахъ отъ Вознесенской церкви: тутъ долженъ стоять сей почтенный столбъ; желательно, чтобъ тутъ утвержденъ былъ какой нибудь знакъ для почитателей Руской старины и добродѣтели!

Старинный дворецъ, за ветхостію, разломанъ въ 1776 году; Екатерина, уважавшая отечественныя древности, повелѣла снять съ него вѣрнѣйшую модель. Но, совсѣмъ тѣмъ, мы не имѣли бы о немъ достаточнаго понятія, еслибъ почтенный Археологъ нашъ, Алексѣй Ѳедоровичь Малиновскій, не подарилъ публику любопытнымъ изображеніемъ онаго со всѣхъ четырехъ сторонъ, съ планами обоихъ этажей. (Одно изъ нихъ при семъ прилагается.) (*) Изъ плановъ сихъ явствуетъ, что великолѣпный замокъ сей увеличиваемъ былъ по временамъ разными пристройками безъ всякой симметріи и порядка, кои соединялись между собою коридорами и переходами; а это даетъ вмѣстѣ вѣроятіе преданію, что часть дворца оставалась еще отъ временъ Царя Іоанна

(*) См.: Историческія свѣдѣнія изъ лѣтописей отечественныхъ и преданій изустныхъ, извлеченныя о селѣ Коломенскомъ и проч. 1809 года. Москва.

Васильевича. Въ обоихъ этажахъ онаго заключалось болѣе 150 комнатъ — большихъ и малыхъ.

Вступая на крыльцо древней церкви Вознесенія Господня — переходишь изъ мечтательности въ нѣкоторую существенность, обнимая, такъ сказать, милую старину уже не воображеніемъ, а самымъ зрѣніемъ. Храмъ сей представляетъ каменную башню въ 25 сажень вышины (до креста), которая составляетъ и церковную главу и колокольню. Она окружена широкою папертью, или открытою галлереею. Въ сей послѣдней весьма занимательны для всякаго Рускаго каменныя кресла Царя Алексѣя Михайловича, придѣланныя къ олтарной стѣнѣ. Сюда, вѣроятно, добрый Царь выходилъ изъ церкви отдыхать и провожать нѣсколько часовъ въ духовныхъ размышленіяхъ, имѣя предъ глазами своими бѣлокаменную столицу и богатую природу. Внутренность церкви, кро-

мѣ огромности, ничего не имѣетъ отлично замѣчательнаго и не заключаетъ ни одного предмета, оправдывающаго преданіе и сохранившуюся здѣсь записку, въ коей сказано: что отецъ Іоанна Грознаго воздвигнулъ храмъ сей въ 1531 году, *украсивъ его многоцѣнными сосудами и святыми образами съ златомъ, сребромъ и дорогими каменьями, и что небыло во всей Россіи церкви подобной высотою, красотою и свѣтлостію.*

Склоненіе башни къ главѣ начинается почти съ половины высоты и отсюда до креста прикрѣплена желѣзная цѣпь, вмѣсто лѣстницы. Мнѣ сказывали, что почти въ каждый приходскій праздникъ выискивается смѣльчакъ, который, ударясь объ закладъ за штофъ вина или ведро пива — взбирается, при всеобщей похвалѣ и удивленіи народа, на сію ужасную высоту и по той же цѣпи спускается внизъ, что однако самые удалые изъ нихъ находятъ чрезвычайно опаснымъ и страшнымъ.

И другая церковь, во имя Казанскія Пресвятыя Богоматери, находится въ изрядной цѣлости. Она замѣчательна тѣмъ, что построена Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, въ память избавленія Москвы отъ Поляковъ и принадлежала къ Коломенскому дворцу, изъ коего и проведены были въ нее длинные, покойные переходы изъ обоихъ ярусовъ.

Что сказать о дворцѣ Екатерины Великой? — Оставшійся фундаментъ показываетъ, что онъ былъ не весьма обширенъ, а нѣкоторые старожилы увѣряютъ, что и внутренность его не заключала ничего великолѣпнаго; но, за то, мѣсто для него избрано было самое открытое и прекрасное, на крутомъ берегу рѣки Москвы — нѣсколько влѣво отъ Вознесенской церкви, и память его украшается произшествіями важными для Исторіи Россійскаго Государства, коими ознаменованы всѣ пріѣзды Императрицы Екатерины II въ перво-

престольную столицу, въ которую большею частію переѣзжала она уже изъ сего дворца торжественно — по древнему Царскому обычаю.

Село Коломенское всегда славилось фруктовыми садами своими; они и нынѣ отдаются на откупъ отъ 5 до 6 тысячь рублей въ лѣто. Проходя сплошными вишневыми алеями, можно вообразить, сколь были они въ прежнія времена обширны и изобильны; а огромные Сибирскіе кедры и вѣковистые дубы свидѣтельствуютъ, что сады сіи разведены уже нѣсколько столѣтій; но любопытство мое останавливалось здѣсь на двухъ достопамятныхъ предметахъ: на преславѣломъ *дубѣ*, подъ коимъ Зотовъ обучалъ грамотѣ въ лѣтнее время юнаго Петра Iго и на вѣковистомъ *кедрѣ*, подъ сѣнію коего въ 1787 году учился также Александръ I-й.—Не могу быть равнодушнымъ при видѣ столь драгоцѣнныхъ памятниковъ, не могу не пожелать, чтобъ они были всегда

чѣмъ нибудь отличены или замѣчены для всеобщаго созерцанія; ибо конечно не только Русской, но и иностранецъ остановится съ благоговѣніемъ предъ сими живыми свидѣтелями начальнаго образованія двухъ могущественныхъ Монарховъ Сѣвера; конечно всякой поразится симъ таинственнымъ сближеніемъ, сею игрою обстоятельствъ — заключающею счастливыя предзнаменованія для отечества нашего.

Подлѣ глубокаго рва, дѣлающаго нижній садъ живописнымъ и весьма пріятнымъ для прогулки, мнѣ показывали еще столѣтній ясень, служившій мѣтою для стрѣльбы Александру Павловичу, когда учился онъ здѣсь стрѣлять изъ ружья и пистолетовъ. Доселѣ видны на немъ скважины.

Петръ Великій любилъ Коломенское предпочтительно предъ всѣми другими лѣтними дворцами. Извѣстно, что сюда совершилъ онъ въ 1691 году первое путешествіе водою

изъ Москвы, на яхтѣ, построенной Брантомъ; отсюда сдѣлалъ онъ два раза торжественные въѣзды въ Москву: 1-й въ 1695 году, по возвращеніи изъ Азовскаго похода, и 2-й въ 1709, одержавъ безсмертную Полтавскую побѣду. — Въ одной изъ Палатъ древняго Царскаго дворца хранилась колыбель Петра I-го, а сіе и подало, кажется, поводъ А. П. Сумарокову почесть Коломенское мѣстомъ рожденія сего Великаго Монарха, и въ излишнемъ жару патріотизма произвесть весьма извѣстную, хотя не весьма поэтическую надпись:

„Россійскій Виѳлеемъ, (*) Коломенско село,
„Которое на свѣтъ Петра произвело!
„Ты счастья нашего источникъ и начало:
„Въ тебѣ величіе Россійско возсіяло;
„Младенца, коего ты зрѣло въ пеленахъ,
„Европа видѣла на городскихъ стѣнахъ,
„И океанъ ему подъ область отдалъ воды,
„Дрожали отъ него всея земли народы.

Почтенный историкъ Коломенскаго села, А. Ѳ. Малиновскій, изчисля-

(*) Всякой видитъ неприличность сего выраженія.

ють многіе другіе эпохи, составляющіе знаменитость сего мѣста, напримѣръ: Царь Іоаннъ Васильевичь въ Коломенскомъ получилъ 29 Августа 1554 года извѣстіе о завоеваніи Астраханскаго Царства. Здѣсь ежегодно праздновалъ онъ, съ Царскимъ великолѣпіемъ, день своего рожденія и тезоименитства. — Коломенское служило главною квартирою ополченія Крымскаго Царя Казыгирея, приступавшаго къ Москвѣ въ 1591 году, и тѣмъ же въ 1610 году Тушинскому Самозванцу съ Польскимъ Воеводою Сапегою. — Царь Алексѣй Михайловичь часто забавлялся въ Коломенскомъ соколиною охотою, которую онъ любилъ, и пріятіе въ сокольники совершалось также здѣсь по особенному обряду. — Малолѣтные Цари Іоаннъ и Петръ, при новыхъ возмущеніяхъ, оказавшихся въ Москвѣ 1 Сентября 1682 года отъ стрѣльцовъ, отвезены были сначала для безопасности Царицею Натальею

Кирилловною въ село Коломенское. — Императоръ Петръ II, послѣ занятій своихъ Государственными дѣлами, пріѣзжалъ сюда иногда на псовую и соколиную охоту, которая была обыкновенною забавою того времени.

Императрица Елисавета Петровна, будучи рождена въ Коломенскомъ, тщательно поддерживала старинный дворецъ своихъ предковъ и нерѣдко, во время пребыванія своего въ Москвѣ, пріѣзжала сюда, съ пышнымъ Дворомъ своимъ, кушать по старинному Царскому чиноположенію.

Весьма также справедливо, кажется, полагаетъ г-нъ историкъ, что село Коломенское основано выходцами изъ города Коломны, кои, спасаясь отъ нашествія Батыя въ 1237 году, приплыли сюда на ладьяхъ своихъ и узнавъ о разореніи и опустошеніи непріятелемъ ихъ отчизны — осѣлись здѣсь навсегда. Вѣроятность сего предположенія подтверждается какъ самымъ названіемъ *Коломенскаго*, такъ и

удержаніемъ выходцами изъ Коломны охоты къ садоводству, коимъ славился изстари сей городъ. Они, по привычкѣ, не принялись за хлѣбопашество, а завели сады и огороды, что, по близости столицы, приносишъ имъ доселѣ большія выгоды.

Царицыно.

Когда Царицыно по повелѣнію Екатерины стало украшаться, то проведена была къ нему изъ Коломенскаго прямая, широкая алея, усаженная березами. Съ нѣкотораго времени она запущена и нельзя по ней пробраться даже пѣшкомъ — за разрушеніемъ всѣхъ мостовъ; а потому ѣздятъ въ Царицыно старою Каширскою дорогою, которая довольно пріятна.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ—вдругъ вправѣ открываются въ густой зелени черныя высокія башни. Неужли это Царицыно, спрашивалъ я у товарищей, мѣсто успѣхъ, радостей,

которое я представлялъ себѣ мило-видным, привлекательнымъ, куда, слышалъ я, пріѣзжаетъ изъ Москвы купечество съ семействами отдыхать, веселиться—не смотря на дальность разстоянія? — Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ Царицыну, тѣмъ казалось оно суровѣе. . . Мрачный видъ готическихъ чертоговъ рисовалъ въ воображеніи моемъ замокъ Черномора, живописно описанный Ал. Пушкинымъ:

„Который на скалахъ
„Зубчаты стѣны возвышаетъ,
„Чернѣютъ башни на углахъ...

Но внезапу видъ сей, не теряя своей величественности, перемѣняется въ отмѣнно пріятный — когда въѣзжаешь въ предѣлы замка — на чистый зеленый лугъ, замѣняющій красный дворъ.

Признаюсь въ слабости, которую, если угодно, назовите странностію, невѣжествомъ; но я чрезвычайно люблю готическую архитектуру въ большихъ зданіяхъ. Я любилъ

бы пробираться этими безконечными, узкими коридорами, предаваться мечтамъ, разхаживая по симъ висящимъ галлереямъ, взбираться потаенными лѣсенками въ эти уединенные терема. . . . Даже мракъ подземныхъ ходовъ восбуждаетъ во мнѣ нѣкоторый таинственный, пріятный трепетъ. . . . Подъ этими смѣлыми сводами, мнѣ мнится, человѣкъ долженъ дышать свободнѣе; воображеніе его получаетъ новыя силы, нѣкую выспренность, полетъ... Мнѣ кажется, я постигаю причину: отъ чего Арабская архитектура особенно нравилась Екатеринѣ Великой! Купивъ отъ Кантемира въ 1774 году Царицыно, она приказала Баженову представить планъ для готическаго дворца. Желая сдѣлать его совершенно по своему вкусу, Императрица поправила его, убавила величину оконъ и ширину лѣстницъ. . . Но дворецъ былъ вскорости перестроенъ другимъ архитекторомъ, который отступивъ

отъ истиннаго Мавританскаго вкуса, сдѣлалъ нѣчто смѣшное, неопредѣленное. Разность сія замѣчательна особенно при сравненіи дворца съ мостомъ и нѣкоторыми другими зданіями, оставленными по плану Баженова. По первому взгляду отличишь ихъ отъ прочаго и узнаешь зодчаго, признаннаго первокласнымъ во всей Европѣ (*).

Сады здѣшніе весьма приятно расположены въ Англійскомъ вкусѣ на берегахъ прудовъ, впадающихъ одинъ въ другой. Вода въ нихъ всегда чиста и прозрачна, ибо они составлены изъ двухъ рѣчекъ и называются: Орѣховскимъ, Лазаревскимъ, Верхнимъ, Хохловскимъ, Шипиловскимъ и Цареборисовскимъ. На двухъ послѣднихъ устроены мѣльницы.

Послѣ обѣда взяли мы лодочку съ двумя гребцами, которую содержитъ отставной инвалидъ, и объѣхали во-

(*) Доселѣ показывается въ Римѣ, какъ лучшій — проэктъ, сдѣланный Баженовымъ для лѣстницы въ Капитоліи.

кругъ верхняго пруда, что доставило весьма пріятную прогулку и показало много видовъ, кои иначе были бы скрыты отъ нашего взора.

Зелень въ саду подобрана съ особеннымъ искуствомъ. Нѣсколько бесѣдокъ приготовлено въ такомъ видѣ, что пріѣзжающіе сюда для гулянья, могутъ располагаться въ нихъ даже нѣкоторымъ хозяйствомъ. При каждой есть особая небольшая кухня. Лучшая изъ бесѣдокъ, *Миловида*, каменная: сквозная аркада, составляющая залу, украшена довольно хорошими мраморными бюстами. Есть преданіе, что счастливое наименованіе бесѣдки сей, Миловидою, дано самою Екатериною. По истинѣ, ниоткуда не представляются виды миловиднѣе, какъ отсюда. Прочія — *хижина*, *Езопка* и т. п. названы П. С. Валуевымъ, бывшимъ начальникомъ дворцовъ и садовъ въ Москвѣ. Онъ далъ прозвища даже многимъ дорожкамъ и алеямъ, на примѣръ:

назвавъ глухую алею *Несторовою*, и т. д.—Езопка сдѣлана изъ березовыхъ бревенъ съ корою и представляется отъ того весма красивою. Говорятъ, что деревни въ Барабинской степи всѣ выстроены изъ сего же лѣсу!

Какъ жаль, что сломанъ старой барскій домъ знаменитаго Кантемира. Роскошная купальня, воздвигнутая на развалинахъ онаго, не можетъ для меня замѣнить его упраны. Царицыно было подарено Князю Кантемиру Петромъ Великимъ. Здѣсь глубокомысленный Князь Дмитрій въ мирѣ и тишинѣ предавался любимой страсти своей—Наукамъ и Словесности, страсти, доставившей ему уваженіе и дружбу величайшаго изъ Монарховъ. Здѣсь получилъ первоначальное образованіе и славный сынъ его, Антіохъ, первый Россійскій поэтъ, коему доселѣ нѣтъ равнаго въ остроуміи и пользѣ сатиры; и ихъ-то жилища не уважили равнодушныя сердца!

Оранжереи здѣшнія въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Нѣтъ имъ равныхъ въ окрестностяхъ Москвы, ни огромностію, ни достоинствомъ фруктовъ. Сихъ послѣднихъ ежегодно продается болѣе чѣмъ на восемь тысячь рублей.

Пріѣзжающіе для прогулки въ Царицыно, могутъ заказать порядочной обѣдъ въ трактирѣ, помѣщающемся въ одной изъ дворцовыхъ развалинъ.

(*Продолж. впредь.*)